

Цзян Шан широко шагнул за порог. Снаружи не было ни Ань Чжэ, да и детский плач почти не доносился.

— Ань Чжэ! Ань Чжэ, ты где? — громко позвал Цзян Шан, привлекая внимание шахтёров из соседних корпусов. Кто-то даже свистнул в сторону юноши с мокрой головой.

Ань Чжэ, услышав зов, высунулся из комнаты охраны:

— Здесь! Быстрее сюда, я с твоим отпрыском не справляюсь!

Первый опыт ухода за ребёнком довёл Ань Чжэ до ручки. Младенца успокоить оказалось невероятно сложно. Заводить детей — дело ответственное!

Цзян Шану было не до свистунов. Он быстро прошёл по коридору и, переступив порог комнаты охраны, сразу заметил разницу: здесь была маленькая гостиная, а дальше, кажется, и кухня — условия куда лучше, чем в их бараке.

— Где малыш? — спросил он у Ань Чжэ.

Тот, приоткрывая дверь в соседнюю комнату, ответил:

— Внутри. Он только что... справил нужду. Тебе правда стоит поблагодарить господина охранника.

Вспомнив, как младенец устроил маленькую катастрофу, Ань Чжэ едва не бежал сломя голову. Хорошо ещё, что уродливый охранник не спасовал. Ань Чжэ до сих пор с содроганием вспоминал тот ужас.

Едва дверь приоткрылась, как в уши ударил оглушительный рёв. Цзян Шан автоматически проигнорировал залитого слезами и вопящего что есть мочи младенца посреди кровати и с недоумением посмотрел на Ань Чжэ:

— Где мой малыш? Его тут нет.

— Как это нет? Такой здоровенный детёныш орёт, а ты его не замечаешь? Ты вообще внимателен? — с отчаянием воскликнул Ань Чжэ, одновременно испытывая тихое восхищение к охраннику, который так ловко и быстро привёл грязнулю в порядок.

Услышав это, Цзян Шан и без того круглые глаза расширились ещё больше. На его лице застыло полное неверие.

— Ты что, шутишь? Мой малыш — это пушистый зверёк, а не этот голый ребёнок. Это же разные биологические виды! — выпалил Цзян Шан, даже не подумав.

Из санузла вышел уродливый охранник, вытирая руки. Он посмотрел на юношу, отказывающегося принять реальность, и сказал:

— Это и есть твой пушистый малыш. Ты что, не знал, что он вошёл в фазу трансформации? Он очень способный, полностью преобразился всего за десяток месяцев. Из него выйдет отличный парень. А ты как детей-то заводил, коли даже этого не знаешь? На курсы по уходу за детёнышами хоть ходил?

С этими словами охранник швырнул Цзян Шану книгу и добавил уже сердито:

— Не знаешь — учись. Из какой ты глухомани вылез, что ничего не смыслишь, но уже ребёнка нагулял?

— Нет, я... — Цзян Шан сник. Объяснять было бессмысленно.

Трансформация? Неужели Туаньцзы — детёныш оборотня?

Фу-у-у... Цзян Шан надул щёки и шумно выдохнул. Зомби встречает оборотня — ну и дела!

...

Содержание книги повергло Цзян Шана в ступор. Выходит, пока он спал, мир сильно переменялся. Люди могут превращаться в зверей, переходить из одной формы в другую. Теперь, прежде чем подстрелить дичь, надо спросить: «А ты, случаем, не человек?»

Жить в галактике, похоже, непросто. Чуть зазеваешь — и ненароком человека съешь. Пострашнее, чем в Постапокалипсисе.

Закончив мысленный монолог, Цзян Шан столкнулся с более насущной проблемой: его малыш, ещё вчера такой спокойный и послушный, теперь рыдал без умолку. Юноша начал подозревать, что этот ребёнок состоит из одной воды — откуда в нём столько слёз?

Ань Чжэ приоткрыл дверь, и его уши едва не лопнули от звуковой атаки. В комнате охраны на кровати сидел и ревел младенец, а рядом стоял Цзян Шан, уставившись в книгу с видом полного отупения, явно не в силах принять реальность.

Цзян Шан подошёл, снял свою рубашку и закутал в неё голенького малыша.

Неуклюже покачивая свёрток на руках, он начал уговаривать тихим голосом:

— Малыш, не плачь... Я и правда не знал, что ты человеческий детёныш. Вот заработаю достаточно звёздных кредитов — отведём тебя к маме, ладно? Не плачь, будь хорошим малышом...

На самом деле, в душе Цзян Шан уже рыдал кровавыми слезами. Едва он нашёл малыша-сокровище, так захотел его вырастить... И что теперь? Не прошло и дня, как тот превратился в ребёнка, да ещё и с мамой где-то есть. Его мечта о пушистом национальном достоянии рухнула.

Господи, да ты что, издеваешься? Верни мою панду!

Но Небеса оставались глухи к его мольбам. Малыш продолжал реветь, словно и впрямь был создан из слёз и воды.

Когда Цзян Шан взял его на руки, малыш, помимо плача, начал подавать признаки жизни: его пухлые пальчики тыкались куда-то наружу, а тельце так и норовило вырваться в ту же сторону.

Цзян Шану оставалось лишь следовать указаниям маленького командира, нося его туда, куда тот показывал...

В итоге, после бесконечных кругов по комнате, малыш не унимался: тыкал пальчиком, рыдал, лил слёзы. Цзян Шан уже и сам был на грани, едва не разрыдавшись в ответ. Ань Чжэ, не выдержав, давно сбежал, бросив друга в беде — вот вам и дружба!

Уроливый охранник принёс бутылочку с молоком и протянул её малышу, который снова указывал на дверь комнаты охраны. Тот сделал один глоток — и залился новыми воплями.

Ань Чжэ, укрывшийся в комнате охраны под благородным предлогом изучения «Дневника по выращиванию детёнышей», увидев, что после молока малыш рыдает ещё горше, наконец произнёс:

— Цзян, я помню, ты давал ему какую-то странную еду, и она ему понравилась. Дай ему ещё, может, перестанет плакать.

Цзян Шан хлопнул себя по лбу — и впрямь, как он мог забыть! Тут же он сунул малыша в руки Ань Чжэ, заставив того засуетиться, и рванул в свой барак.

В комнате, кроме ушедших осматривать окрестности шахтёров, остальные отдыхали. Цзян Шан открыл тумбочку у кровати, достал рюкзак, вытащил оттуда подгузник и, прикрываясь рюкзаком, извлёк очищенный нежно-белый побег бамбука.

Вернувшись в комнату охраны, он протянул побег зареванному, уже уставшему плакать малышу:

— Туаньцзы, Туаньцзы, смотри сюда. Съешь побег и вернись в свою пушистую форму, хорошо?

Малыш с красными от слёз глазками, увидев побег, засунул пухлый пальчик в рот. Его глазки загорелись, а слюнки потекли рекой...

— Так оно и работает! Надо было дать ему это сразу, не доводил бы до слёз, — проворчал Ань Чжэ.

— Думаешь, я сам не хотел? Я просто не знал, — вздохнул Цзян Шан.

— Это же твой ребёнок! Если не ты, то кто должен знать? — дёрнулся уголок рта у Ань Чжэ.

Цзян Шан покачал головой:

— Он не мой. Скажу, что подобрал на улице, — согласишься?

— Юноша, раз уж завёл дитя — расти. Уклоняться от ответственности нехорошо. Малыш-то какой славный, ещё такой кроха. Неужели тебе не жаль бросить его, обречь на поиски еды в помойке?.. О, смотри, он превращается обратно. Пушистый, какой ты любишь, — сказал Ань Чжэ.

Он быстро передал обратно юноше малыша, который, не сумев справиться с твёрдой пищей, снова обратился в звериную форму и теперь усердно, с хрустом уплетал побег бамбука.

Нет, с него хватит. Пора отдыхать.

И снова: заводить детей — рискованно. Заводить детей — нужно с умом!

...

Цзян Шан вспомнил, как подобрал малыша на улице. Тот был таким лёгким, что его мог унести ветер. Возможно, его и правда бросили. Без еды, голодный детёныш вынужден был рыться в отбросах в поисках пропитания... Как жалко. Сердце Цзян Шана снова сжалось от боли.

Малыши-сокровища в древнем Китае десять тысяч лет назад имели персональных слуг, были общенациональными любимцами. И Туаньцзы заслуживает такого же обращения.

Соблазнив малыша любимым лакомством и вооружившись «Дневником по выращиванию детёнышей» от дядьки-охранника, Цзян Шан с грехом пополам вступил в новую жизнь, совмещая уход за малышом и добычу руды. Благодаря покровительству уродливого охранника дела шли более-менее гладко.

В шахте звенели удары кирок. Энергетическая руда была нежной субстанцией. Кроме кирок из особого дерева, любой металлический инструмент мог вступить с ней в реакцию и испортить всё. Поэтому цена на энергокамни всегда оставалась высокой — добыча их была невероятно трудна.

Из-за этого Цзян Шан даже заменил цепочку на своём нефритовом гробу-подвеске на красную шёлковую нить.

Малыш-сокровище семенил за старшим братом, то копался лапками в земле, то раскидывал комья грязи. От чистенького зверька, каким он был до спуска в шахту, не осталось и следа, но, похоже, ему это безумно нравилось — он с упоением продолжал свои земляные игры...

<http://bllate.org/book/15932/1423831>